

Вся моя жизнь прошла в селе Шапкине. Здесь я родился 21.02.1924г., здесь окончил начальную школу. В селе Лакша закончил 7 классов неполной средней школы. Во время летних каникул работал в колхозе «Коммунар». Ночью пас лошадей, а днём пахал землю, сеял, возил снопы с поля, зерно, вывозил навоз на поля.

Участвовал в прокладке нового русла реки «Кудьма». Там и застала меня весть о начале войны. В ту пору мне было 17 лет. Закончилось моё безмятежное детство, и началась трудная, тяжёлая жизнь. Нас, подростков, направили на строительство оборонительных рубежей в районе Хвощёвка.

Вместе с другом Константином Махлоновым пишем заявление в военкомат с просьбой отправить нас на фронт, но получили отказ. Нам сказали: «Обождите, ваша очередь придёт, а пока закончите курсы трактористов». Мы прошли зимой эти курсы, а весной выехали пахать в поле.

Летом 1942 года получил повестку из военкомата. Был направлен под Москву, где закончил сержантскую школу. Затем с подразделением был направлен в воинские части 3 Белорусского фронта в специальные оперативные войска, которые выполняли оперативную разведку. Эта работа была опасна тем, что перед тобой враг не открытый, а скрытый. Его надо найти, обезоружить и доставить в нужное место.

В Белоруссии участвовал в освобождении городов Орша, Минск. Однажды после боя, недалеко от деревни Кулич, наше подразделение остановилось на отдых в землянке. Кто-то курил, кто-то рассматривал семейные фотографии, кто-то писал письмо. И вдруг послышалась мелодия знакомого вальса «На сопках Манчжурии», а в моей душе родились строки:

*Над нашей землянкой
Лежит тишина,
И светит рожочек луны.
Как будто нам только
Приснилась война
И нет никакой войны.
Задумавшись, тихо солдаты сидят
И тихо выводит баян:
«На сопках Манчжурии войны спят,
Над ними шумит гаолян».
Но знает солдат, что обманчив покой,
Обманчива и тишина,
Что снова по утру начнется бой,
Что рядом совсем война.
И верят солдаты, что в тяжком бою
Отчизну свою отстоят.
Пусть предки спокойно в далеком краю
На сопках Манчжурии спят.*

А по утру эти строчки оказались пророческими. Солдаты услышали страшный рев. Это стреляли немецкие шестиствольные минометы, так называемые «скрипаг». Снаряды из них вылетали в шахматном порядке. Было очень страшно и жутко. Немцы решили захватить продовольственный склад, который находился в деревне Кулич. Подразделение подняли по тревоге, завязался кровавый бой. Много было убитых и раненных. Немцы были отбиты. Здесь я получил ранение и был

направлен в госпиталь под Бобруйск. Находясь в госпитале я очень часто вспоминал маму и написал стихотворение «Ожидание»:

*Старушка мать без сна
Томится у окна
И взор ее направлен на дорогу.
Не пишет сын давно.
Туманится окно.
Измученное сердце бьет тревогу.
На улице темно,
Завешено окно.
На стены от свечи ложатся тени.
Лишь старенькая мать,
Забыв, что время спать
Пред образом склонилась на колени.
И молится она,
Чтоб кончилась война
И сын ее вернулся невредимый.
Чтоб он пришел домой
И сильною рукой
Обнял ее такой родной, любимый.
Но где-то далеко
Солдатам нелегко.
Опять начнется прерванная битва.
Опять приказ: «Вперед!»
И кто-то вновь умрет.
И не поможет матери молитва.
А верная жена,
Другому уж верна,
Отцом другого называют дети.
Лишь старенькая мать
Не перестанет ждать
Пока она жива еще на свете.*

После госпиталя я вновь в строю. Участвую в освобождении городов Литвы: Вильнюс, Мариуполь, Каунас. Затем был переход границы Германии в Восточной Пруссии. Этот момент очень хорошо запомнил. До сих пор перед моими глазами стоит плакат, который мы увидели на границе: «солдаты и офицеры, перед вами логово фашистов. Добьем зверя в собственной берлоге».

Следующим этапом моей военной жизни было освобождение г.Кенигсберга 22 апреля 1945г. До победы оставалось совсем немного.

На полпути к Берлину солдаты вновь услышали пулеметные очереди. Прозвучала команда: «Принять круговую оборону.» Но через несколько минут поступило от командования сообщение: «Ребята! Конец войне». На глазах солдат появились слезы - слезы радости и печали.

Приехали в Берлин, когда он был уже взят. На мрачном разбитом здании рейхстага мы оставили свои автографы.